

ОТ АВТОРА НАШУМЕВШИХ РОМАНОВ
«МЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК» И «ПОХИЩЕНИЕ ЭННИ ТОРН»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ХИТ ПРОДАЖ

С. Дж. Тюдор — современная британская писательница, новое имя в жанре остросюжетного психологического триллера. Ее роман «Меловой человек» покорила десятки стран и продолжает завоевывать популярность. Необычный сюжет в лучших традициях Стивена Кинга и Харлана Кобена гарантирует полное погружение в зловещую атмосферу неразгаданной тайны.

Пятьсот лет назад в деревне Чепел-Крофт заживо сожгли ни в чем не повинных людей. Среди них были две молодые девушки, чьи призраки якобы до сих пор являются жителям поселения. Тридцать лет назад здесь же пропали без вести две подруги, юные Джой и Мерри. И вот теперь в часовне повесился местный викарий. На замену ему в деревню прибывает женщина-священник Джек с дочерью Фло. Однако мрачная аура деревни и ее жуткие тайны не сулят чужакам ничего хорошего. Ведь они — часть этих секретов. В Чепел-Крофт зреет возмездие тех, кто помнит все.

«Тюдор искусно балансирует на границе между реальностью и безумием, создавая потрясающую атмосферу непредсказуемой угрозы».

Sunday Times

18+

bookclub.ua

ISBN 978-617-12-8942-0

9 786171 289420

С. ДЖ. ТЮДОР

СОЖЖЕННЫЕ ДЕВОЧКИ

С. ДЖ. ТЮДОР

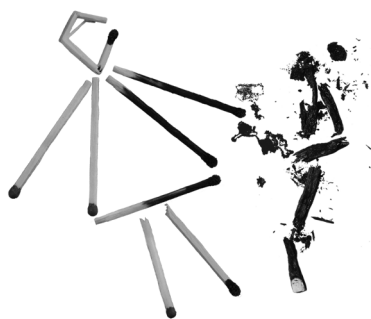
СОЖЖЕННЫЕ ДЕВОЧКИ

ЕСЛИ ВАМ НРАВЯТСЯ МОИ РОМАНЫ,
ТО ВЫ БУДЕТЕ В ВОСТОРГЕ ОТ ЭТОЙ КНИГИ.

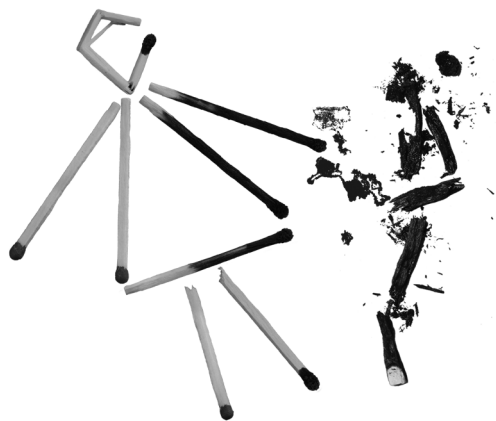
— СТИВЕН КИНГ —

КСД

C. J. TUDOR

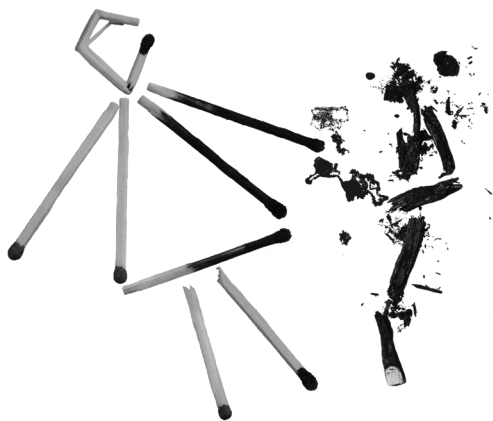
THE BURNING GIRLS

A Novel

С . Д Ж . Т Ю Д О Р

СОЖЖЕННЫЕ ДЕВОЧКИ

Роман

ХАРЬКОВ
2021 КСД

УДК 821.111
Т98

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

This edition published by arrangement
with *Madeleine Milburn Ltd* and *The Van Lear Agency LLC*

Печатается по изданию:
Tudor C. J. *The Burning Girls* / C. J. Tudor. — London :
Michael Joseph, 2021. — 400 p.

Перевод с английского *Елены Боровой*

Дизайнер обложки *Владлен Трубчанинов*

ISBN 978-617-12-8942-0
ISBN 978-0-241-37130-5 (англ.)

- © C. J. Tudor, 2021
- © BETTY & BETTY LTD, 2021
- © DepositPhotos.com / undrey,
vladz_2009, zsv32071, stillfx,
NewAfrica, chempina, обложка,
2021
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод на русский язык, 2021
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

Посвящается Нилу, Бетти и Дорис.
Высокому, милой и лохматой

Из Википедии:

«Сожженные девочки» — куклы из веток, которые изготавливают в маленькой деревушке Чепел-Крофт в Сассексе, чтобы увековечить память сассекских мучеников — восьмерых жителей деревни, сожженных на костре во время правления королевы Марии I (1553—1558), стремившейся вернуть страну в лоно католической церкви. Двое из сожженных протестантов были молоденькими девушками. Кукол поджигают во время церемонии, которую проводят каждый год в годовщину казни.

Пролог

Какой я человек?

В последнее время он часто задавался этим вопросом.

Я Божий человек. Я Его слуга. Я выполняю Его волю.

Но достаточно ли этого?

Он пристально разглядывал маленький побеленный дом. Красная черепичная крыша и яркие фиолетовые клематисы, взбирающиеся по его стенам, купались в лучах заходящего солнца. В кронах деревьев щебетали птицы. В густых кустах лениво жужжали пчелы.

Здесь, в этом невинном с виду месте, находится зло.

По короткой подъездной дорожке он медленно пошел к дому. Страх, подобно судороге, физической болью терзал его внутренности. У двери он поднял руку, но дверь открылась прежде, чем он успел постучать.

— О, слава Богу! Хвала Создателю, вы пришли.

Мать измученно прислонилась к косяку. Прямые русые волосы прилипли к голове, глаза воспалились, а кожа была серой и морщинистой.

Вот как это выглядит, когда в твой дом входит Сатана.

Он шагнул внутрь. В нос ударил кислотный смрад. Как это могло зайти так далеко? Он поднял голову. На верхней площадке лестницы, казалось, сгущается зло. Он оперся рукой на перила. Ноги отказывались ему повиноваться. Он крепко зажмурился, глубоко дыша.

— Отец?

Я Божий человек.

— Проводите меня.

Он начал подниматься. На верхней площадке было всего три двери. Из-за одной выглянул мальчик в шортах и футболке, покрытых пятнами. При виде приближающейся к нему фигуры в черном облачении мальчик захлопнул дверь.

Он толкнул соседнюю дверь и физически ощутил удар в лицо. Жара и вонь. Он зажал рот рукой, подавляя рвотный рефлекс.

Кровать была покрыта пятнами крови и других выделений. К стойкам кровати крепились ремни, но они были расстегнуты. Посредине, на матрасе лежал большой открытый кожаный портфель. Крепкие ремни удерживали содержимое: тяжелое распятие, Библию, святую воду, полосы муслиновой ткани.

Не хватало двух предметов. Они лежали на полу. Скальпель и длинный зазубренный нож. Оба липкие от крови. Кровь окружала и тело, стекая на пол подобно темно-рубиновому плащу.

Он сглотнул. У него во рту пересохло, как в поле, выжженном летним солнцем.

— Господи Иисусе, что здесь произошло?

— Я вам говорила. Я вам говорила, что дьявол...

— Довольно!

На тумбочке возле кровати что-то лежало, и он подошел ближе. Маленькая черная коробочка. Несколько секунд он молча на нее смотрел, затем обернулся к нерешительно топтавшейся в дверях матери. Она заламывала руки и умоляюще смотрела на него.

— Что же нам делать?

Нам. Потому что его это тоже касалось.

Он оглянулся на окровавленное истерзанное тело на полу.

Какой я человек?

— Несите тряпки и хлорку. Скорее.

Уэлдон Геральд, четверг, 24 мая 1990

Пропавшие девочки

Полиция обратилась за помощью в поиске двух исчезнувших сассекских девочек-подростков: Мерри Лейн и Джой Хэррис. Обеим было пятнадцать лет, и считалось, что они сбежали вместе. Джой в последний раз видели на автобусной остановке в Хенфилде вечером двенадцатого мая. Мерри, оставив

записку, исчезла из своего дома в Чепел-Крофт неделю спустя, девятнадцатого мая.

Полиция не нашла ничего подозрительного в исчезновении девочек, но, тревожась об их благополучии, в обращении девочек просила связаться со своими семьями.

«Вам ничего не угрожает. Родные беспокоятся. Они всего лишь хотят знать, что вы в безопасности и в любой момент можете вернуться домой».

Джой описывали как хрупкую девочку ростом пять футов и пять дюймов, с длинными белокурыми волосами и тонкими чертами лица. Когда ее видели в последний раз, она была одета в розовую футболку, потертые джинсы и кроссовки «Данлоп гринфлеш».

Мерри описывали как худенькую девочку ростом пять футов семь дюймов, с темными короткими волосами. Одета была в мешковатый серый джемпер, джинсы и черные парусиновые туфли на резиновой подошве.

Тех, кто их увидит, просили сообщить об этом в полицейский участок в Уэлдоне по телефону 01323 456723 или позвонить в организацию «Крайстопперы» по номеру 0800 555 111.

Глава 1

— Ситуация очень неприятная.

Епископ Джон Деркин доброжелательно улыбнулся.

Я не сомневаюсь в том, что епископ Джон Деркин делает доброжелательно абсолютно все, даже какает.

Самый молодой из епископов, когда-либо возглавлявших епархию Норт-Ноттс, он опытный оратор, автор нескольких известных трудов по теологии, и было бы странно узнать, что он ни разу не пытался ходить по воде.

А еще он недоумок.

Это знаю я. Это знают его коллеги, его сотрудники. Я думаю, что в глубине души это знает и он сам.

К сожалению, никто ему этого в лицо не скажет. Я уж точно не собираюсь. Во всяком случае, сегодня. Пока он держит

в своих гладких наманикюренных ручках мою работу, мой дом и мое будущее.

— Такие события способны пошатнуть веру общества, — продолжает он.

— Вера не пошатнулась. Люди разгневаны и опечалены. Но я не позволю этому разрушить все, чего мы достигли. Я не покину людей сейчас, когда они нуждаются во мне как никогда прежде.

— Вы уверены? Посещаемость упала. Занятия отменены. Я слышал, что детские группы могут перевести в другую церковь.

— Сказывается наличие сигнальных лент полиции вокруг места преступления. В этой общине не особенно жалуют полицию.

— Я это понимаю...

Ничего он не понимает. Деркин видит гетто, только когда его водитель случайно сворачивает не туда, везя его в частный спортзал.

— Я гарантирую, что это временное явление. Я могу вернуть их доверие.

Я умалчиваю о том, что мне *необходимо* это сделать. Мне необходимо загладить собственную ошибку.

— Так, значит, вы способны совершать чудеса? — Не дав мне времени ответить или возразить, Деркин продолжает: — Послушайте, Джек, я знаю, что вы поступили так из самых лучших побуждений, но вы подошли слишком близко.

Я выпрямляюсь на стуле, борясь с желанием скрестить руки на груди, как угрюмый тинейджер.

— Разве не в этом заключается наша работа? В том, чтобы устанавливать близкие отношения с общиной.

— Наша работа заключается в том, чтобы поддерживать репутацию церкви. Настали трудные времена. Церкви рушатся повсюду. Все меньше и меньше людей ходит в храмы. Мы проигрываем битву даже без подобной очерняющей церковь шумихи.

Деркина только это и заботит. Газеты. Шумиха. Церковь и в самые лучшие времена постоянно критикуют. Несмотря

на попытку спасти малышку, она погибла, и ее смерть на моей совести.

— И что теперь? Мне подать в отставку? Вы этого от меня ожидаете?

— Отнюдь. Было бы жаль потерять служителя вашего *масштаба*. — Он соединяет ладони перед грудью пальцами вверх. На самом деле. — И это произвело бы дурное впечатление. Походило бы на признание вины. Нам следует хорошенько подумать над тем, что делать дальше.

Еще бы. Особенно с учетом того, что это он предложил перевести меня сюда. Я его любимая собачка-призер. И мне многое удалось — некогда полуразрушенная церковь в бедняцком районе превратилась в средоточие жизни общины.

До Руби.

— И что вы предлагаете?

— Перевести вас. В какой-то менее заметный приход. Небольшая церковь в Сассексе внезапно осталась без священника. Чепел-Крофт. Пока туда кого-нибудь не назначат, они нуждаются в замене.

Я смотрю на него, чувствуя, как земля уходит у меня из-под ног.

— Прошу прощения, но это невозможно. Моя дочь в следующем году оканчивает школу. Я не могу просто взять и перевезти ее на другой конец страны.

— Я уже согласовал ваш перевод с епископом Гордоном в епархии Уэлдона.

— *Что* вы сделали? *Как?* Вы размещали объявление об этой вакансии? Наверняка нашлась бы более подходящая кандидатура из числа местных жителей...

Он машет рукой, давая понять, что обсуждать тут нечего.

— Мы просто болтали. Упомянули вас. Он вспомнил о вакансии. Счастливая случайность.

Деркин дергает за ниточки лучше, чем долбаный Джеппетто.

— Попробуйте взглянуть на это с другой стороны, — продолжает он. — Тут есть свои плюсы. Красивый уголок страны. Свежий воздух, поля. Маленькая безопасная община. Это могло бы пойти на пользу вам и Фло.

— Я лучше знаю, что пойдет на пользу мне и моей дочери.
 Ответ — нет.

— Тогда позвольте мне говорить начистоту, Джек. — Он смотрит мне в глаза. — Это не просьба.

Деркин не случайно самый молодой епископ из когда-либо возглавлявших епархию. И это не имеет никакого отношения к доброжелательности.

Я стискиваю лежащие на коленях кулаки.

— Понятно.

— Отлично. Вы приступаете на следующей неделе. Соберите вещи.

Глава 2

— Господи Иисусе!

— Снова богохульствуешь.

— Я знаю, но... — Фло качает головой. — Ну и дыра.

Она права. Я останавливаю машину и смотрю на наш новый дом. Точнее сказать, духовный дом. Наш *настоящий* дом находится по соседству: маленькое двухэтажное строение, которое выглядело бы довольно мило, если бы не кренилось самым пугающим образом куда-то вбок, будто медленно сползало по склону — кирпичик за кирпичиком.

Сама часовня маленькая и квадратная, а ее белые стены потемнели от времени. Она не особо напоминает место поклонения Господу. Нет ни шпиля на крыше, ни креста, ни витражей. Четыре простых окна на фасаде. Два вверху, два внизу. Между двумя верхними окнами расположены часы, окруженные цветистой надписью:

«Дорожите временем, ибо дни лукавы»¹.

Мило. К несчастью, буквы «в» и вторая «е» стерлись, и теперь предлагается дорожить ремнем, что бы это ни значило.

Я выбираюсь из машины. В духоте и жаре одежда тут же прилипает к коже. Вокруг нас нет ничего, кроме полей. Сама

¹ Цитата из Посланий апостола Павла (Еф. 5: 15). (Здесь и далее примеч. пер.)

деревня состоит из пары десятков домов, паба, магазина и здания общины. Царит полная тишина, не считая пения птиц и жужжания изредка пролетающих пчел. Это действует мне на нервы.

— Итак, — говорю я, стараясь скрыть за напускным оптимизмом охвативший меня ужас. — Пойдем, заглянем внутрь.

— Может, лучше посмотрим, где мы будем жить? — спрашивает Фло.

— Сперва дом Божий. Затем дом его детей.

Она закатывает глаза, давая понять, как тяжело ей мириться с моей тупостью. Закатыванием глаз подростки могут сообщить очень многое. С учетом того, что, как только им исполняется пятнадцать, вербальное общение с ними становится практически невозможным, я ничего не имею против.

— Кроме того, — добавляю я, — наша мебель застряла в пробке на М25. А в церкви во всяком случае есть скамьи.

Она хлопает дверцей машины и, ссутулившись, угрюмо бредет за мной. Я искоса смотрю на нее: темные волосы, стрижка «рваный боб», кольцо в носу (которое она снимает, когда идет в школу, — результат отчаянной борьбы) и увесистый «Никон», почти всегда болтающийся у нее на шее. Я часто думаю, что моя дочь просто идеальная кандидатура на роль Лидии в ремейке «Битлджуса»¹.

От дороги к часовне ведет длинная дорожка. Перед самыми воротами стоит облупившийся металлический почтовый ящик. Мне сказали, что именно в нем мы найдем ключи, если по прибытии никого здесь не обнаружим. Я откидываю крышку, сую руку внутрь и... бинго! — извлекаю два поцарапанных серебристых ключа, видимо от домика, и тяжелый железный предмет, будто предназначенный для того, чтобы открывать что-то из толкиеновских фантазий. Предположительно, это ключ от часовни.

— Что ж, во всяком случае, мы можем попасть внутрь, — говорю я.

— Потрясающе, — с каменным лицом изрекает Фло.

¹ В фильме Тима Бартона (1988) эту роль исполняет Вайнона Райдер.

Не обращая на нее внимания, я толкаю ворота. Дорожка крутая и неровная. По обеим ее сторонам из высокой травы поднимаются каменные надгробия. Слева выделяется изваяние повыше. Серый безрадостный обелиск. У его подножия лежит нечто, напоминающее букет засохших цветов. Присмотревшись внимательнее, я вижу, что это не цветы, а крошечные куклы из веточек.

— Что это такое? — спрашивает Фло, всматриваясь в них, и тянется к фотоаппарату.

— Сожженные девочки, — машинально отвечаю я.

Она приседает на корточки и начинает шелкать своим «Никоном».

— Это нечто вроде местной традиции, — поясняю я. — Об этом есть информация в Интернете. Люди делают их, чтобы почтить память сассекских мучениц.

— Кого?

— Жительниц деревни, которых сожгли на костре в период борьбы королевы Марии с протестантами. Две юные девушки были убиты у стен этой часовни.

Она, поморщившись, выпрямляется.

— Этих жутковатых кукол делают в память о них?

— А в годовщину казни сжигают.

— Ни дать ни взять «Ведьма из Блэр».

— Ну а чего ты хотела, это деревня. — Бросив на кукол последний презрительный взгляд, я иду дальше. — Тут полно всяких странных традиций.

Фло вытаскивает телефон и делает еще пару снимков, видимо, чтобы поделиться ими с друзьями, оставшимися в Ноттингеме, — *вы только полюбуйтесь, чем развлекаются эти чокнутые деревенские*, — затем догоняет меня.

Мы подходим к двери часовни, и я вставляю ключ в замок. Тот поддается с трудом, и мне приходится приложить усилия, чтобы заставить ключ повернуться. Дверь открывается, издав скрип. *Настоящий* скрип, в точности как звуковой эффект в фильмах ужасов. Я толкаю ее, отворяя пошире.

Темнота внутри часовни являет полный контраст с августовским солнечным днем. Мои глаза медленно привыкают

к сумраку. Солнечный свет робко проникает сюда сквозь заросшие грязью окна, освещая тучу пыли в воздухе.

Я разглядываю необычный интерьер — маленький неф, с трудом вмещающий полдюжины рядов скамей, обращенных к центральному алтарю. Узкие деревянные лестницы по обе стороны от скамей ведут наверх — на балкон, где также расположены скамьи, что придает часовне сходство с театром или ареной для гладиаторских боев. Я не понимаю, как этому строению удастся проходить проверки пожарной безопасности.

Воздух в помещении затхлый, как будто здесь очень давно никого не было, и это странно, с учетом того, что им перестали пользоваться регулярно всего несколько недель назад. Кроме того, тут, как и в большинстве часовен и церквей, одновременно душно и холодно.

Я замечаю, что в глубине нефа небольшой участок отгорожен желтыми пластиковыми щитами. На одном из них виднеется написанное от руки предупреждение: «*Осторожно. Неровный пол. Плиты расшатаны*».

— Я забираю свои слова обратно, — говорит Фло. — Это абсолютная и конченная дыра.

— Могло быть и хуже.

— Как?

— Изъеденная жуками древесина, сырость, насекомые...

— Я подожду снаружи.

Резко развернувшись, она чуть ли не выбегает из здания.

Я за ней не иду. Лучше дать ей время. Мне нечем ее утешить. Девочку вырвали из города, который она любит, из школы, где она чувствовала себя уверенно, и привезли туда, где нет ничего, кроме полей и коровьего навоза. Мне придется очень постараться, чтобы помириться с дочерью.

Я смотрю на деревянный алтарь.

— Что я здесь делаю, Господи?

— Я могу вам чем-то помочь?

Я резко оборачиваюсь.

Позади меня стоит мужчина. Он худощав и очень бледен. Белую как мел кожу оттеняют лоснящиеся черные волосы, зачесанные назад и открывающие взгляду глубокие залысины.

Несмотря на теплую погоду, он одет в темный костюм поверх серой рубашки без воротничка. Он похож на вампира, собравшегося на вечеринку в джаз-клуб.

— Простите, я впервые получаю прямой ответ. — Я улыбаюсь и протягиваю ему руку. — Меня зовут Джек.

Он продолжает смотреть на меня с подозрением.

— Я староста этой церкви. Как вы сюда вошли?

И тут до меня доходит. На мне нет воротничка, а ему, вероятно, сказали только, что сегодня приедет викарий Брукс. Разумеется, он мог навести обо мне справки в Интернете, хотя, судя по его виду, он до сих пор пользуется чернилами и перьями.

— Прошу прощения. Джек Брукс. Викарий Брукс.

Его глаза слегка расширяются, а щеки едва заметно розовеют. Следует признать, мое имя приводит его в замешательство. И также следует признать, что это доставляет мне удовольствие.

— О, простите. Мне очень жаль. Просто...

— Вы представляли меня иначе?

— Ну да.

— Выше, стройнее, привлекательнее?

И тут раздается громкий крик:

— МАМА!

Я оборачиваюсь. В дверях стоит Фло с широко открытыми глазами на побелевшем лице. Включается мой материнский инстинкт.

— Что случилось?

— Там девочка. Она... Мне кажется, она ранена. Пойдем скорее. *Скорее.*

Глава 3

Девочке не больше десяти лет. Она одета в платье, которое, возможно, когда-то было белым, ее ноги босы... и она залита кровью.

От крови ее белокурые волосы стали грязно-бурыми, лицо покрылось алыми полосами, а платье стало темно-бордовым.

Она, пошатываясь, бредет к нам, и ее босые ноги оставляют на дорожке кровавые следы.

Я смотрю на нее, отчаянно пытаюсь сообразить, что могло случиться. Может, она попала под машину? Но на дороге нет никаких машин. А крови *так много*. Как она вообще держится на ногах?

Я осторожно подхожу к ней и присаживаюсь на корточки.

— Привет, милая. Ты ранена?

Она поднимает на меня глаза. Удивительно синие, широко открытые от шока. Она качает головой. Не ранена. Тогда откуда вся эта кровь?

— Хорошо. Ты можешь мне рассказать, что случилось?

— Он ее убил.

Несмотря на жару, у меня по спине ползет холодок.

— Кого?

— Пиппу.

— Фло, — осторожно говорю я, — вызывай полицию.

Она извлекает из кармана телефон и изумленно смотрит на экран.

— Нет связи.

Проклятье. Дежавю накрывает меня с такой силой, что к горлу подступает тошнота. Кровь. Маленькая девочка. Только не это.

Я оборачиваюсь к джаз-вампиру, топчущемуся в дверях.

— Я не услышала, как вас зовут.

— Аарон.

— Аарон, в церкви есть стационарный телефон?

— Да. В офисе.

— Вы могли бы пойти и воспользоваться им?

Он колеблется.

— Девочка... Я ее знаю. Она с фермы Харпера.

— Как ее зовут?

— Поппи.

— Хорошо. — Я ободряюще улыбаюсь девчужке. — Поппи, мы сейчас позовем на помощь.

Аарон все еще на месте. Возможно, это шок, возможно, нерешительность. В любом случае толку от него немного.

— Телефон! — рывкаю я.

Он опрометью кидается в церковь. Я слышу рев двигателя быстро приближающейся машины. Я поднимаю глаза, и в ту же секунду из-за поворота вылетает ренджровер. Визг шин по гравию — и он резко останавливается у ворот часовни. Дверь автомобиля распаивается настежь.

— *Поппи!*

Из машины выпрыгивает мужчина плотного сложения с соломенными волосами. Он почти бежит по дорожке, приближаясь к нам.

— О боже, Поппи! Я тебя везде искал. Что ты себе только думаешь? Нельзя просто брать и убегать.

Я выпрямляюсь.

— Это ваша малышка?

— Да. Она моя дочь. Я Саймон Харпер. — Похоже, это должно было что-то для меня означать. — А вы кто такая, черт подери?

Я прикусываю язык.

— Я преподобная Брукс, новый викарий. Как насчет того, чтобы рассказать мне, что здесь происходит? Ваша дочь вся в крови.

Он хмурится. На вид он чуть старше меня. Здоровяк, но не толстяк. На лице написана самоуверенность, и у меня складывается впечатление, что он не привык держать ответ ни перед кем, не говоря уже о женщине.

— Это не то, на что похоже.

— В самом деле? Потому что это похоже на кадры из «Техасской резни бензопилой».

Это вырывается у Фло.

Саймон Харпер раздраженно косится на нее, затем снова оборачивается ко мне.

— Я уверяю вас, *преподобная*, что все это всего лишь недо-разумение. Поппи, прошу тебя, подойди сюда...

Он протягивает ей руку. Поппи испуганно прячется за мою спину.

— Ваша дочь сказала, что кого-то убили.

— *Что?*

— Пиппу.

— О господи! — Он закатывает глаза. — Это вздор.

— Как сказать... Мы можем предоставить право решать, что вздор, а что нет, полиции.

— *Пенну*, а не Пиппу. И Пеппа — это свинья.

— Прошу прощения?

— Это кровь *свиньи*.

Я смотрю на него. По моей спине стекает пот. По дороге медленно проезжает трактор. Саймон Харпер тяжело вздыхает.

— Мы не могли бы войти в церковь и слегка ее помыть? Я не могу везти ее обратно в машине в таком виде.

Я оглядываюсь на покосившийся домишко.

— Пойдемте туда.

Я впервые вхожу в наше новое жилище. Представляла себе новоселье несколько иначе. Фло приносит из сада пару пластиковых стульев, и мы усаживаем Поппи. Мне удастся найти под раковиной относительно чистую тряпку и полбутылки жидкого мыла. Я также замечаю там фонарь и паука размером с мой кулак.

— Я посмотрю в машине, — говорит Фло. — Мне кажется, там должны быть влажные салфетки и мой джемпер, в который можно было бы одеть Поппи.

— Отличная идея.

Она снова выбегает наружу. Я думаю о том, что она хорошая девочка, несмотря на норы.

Я сую тряпку под кран и, присев на корточки рядом с Поппи, начинаю оттирать кровь с ее лица.

Кровь свиньи. Как так вышло, что маленькая девочка с ног до головы залита кровью свиньи?

— Я понимаю, что это выглядит ужасно. — Саймон Харпер предпринимает попытку говорить миролюбиво.

— Я никого не осуждаю. Главное правило моей работы.

И еще это ложь. Я смываю кровь со лба и ушей Поппи. Она становится чуть больше похожей на маленькую девочку и чуть меньше — на персонажа романа Стивена Кинга.

— Вы, кажется, хотели что-то объяснить?

— У меня есть ферма. Ферма Харпера. Она принадлежит нашей семье уже много лет. Также имеется своя бойня. Я знаю, что некоторым людям сложно это принять...

Я игнорирую намек.

— Вообще-то, я считаю, что людям необходимо знать, откуда берется еда. В моем бывшем приходе большинство детей считали, что мясо растет в булочках из Макдоналдса.

— Ну да... Вот именно. Мы пытались воспитывать обоих наших детей так, чтобы они понимали, что такое фермерство. Чтобы они не относились к животным слишком сентиментально. У нас никогда не было проблем с Роузи — это наша старшая дочь. Но Поппи более... чувствительна.

У меня возникает ощущение, что слово «чувствительная» — это эвфемизм и на самом деле он имел в виду что-то совсем другое. Я отвожу волосы Поппи со лба и приглаживаю их назад. Она безразлично смотрит на меня своими ярко-голубыми глазами.

— Я говорил Эмме... это моя жена... нельзя было позволять ей давать им имена.

— Кому?

— Свиньям. Поппи это доставляло радость, но затем, конечно, она к ним привязалась, особенно к одной.

— К Пеппе?

— Да.

— Сегодня утром мы повели свиней на бойню.

— Ага.

— Поппи не должно было быть дома. Роузи пошла с ней на детскую площадку, но, видимо, что-то случилось. Они вернулись рано, и я не понял, откуда рядом со мной появилась Поппи...

Он замолкает в растерянности. Я пытаюсь представить себе ребенка, напоровшегося на столь жуткую сцену.

— Я все равно не понимаю, как она оказалась вся в крови.

— Я думаю... Должно быть, она поскользнулась и очутилась на полу. Как бы то ни было, потом она убежала, а остальное вы уже знаете... Вы и представить себе не можете, как скверно я себя чувствую, но это ферма. Это то, чем мы занимаемся.

Я ощущаю прилив сочувствия. Выполоскав тряпку, я вытираю остатки крови с лица Поппи. Затем извлекаю из кармана джинсов резинку для волос и завязываю ее волосы в «хвостик».

Улыбаюсь ей.

— Я знала, что где-то здесь есть маленькая девочка.

По-прежнему никакой реакции. Но это может быть последствием травмы, мне уже доводилось с таким сталкиваться. Служа викарием в бедняцком районе, имеешь дело не только с церковными ярмарками и гаражными распродажами. К тебе приходит много психологически травмированных людей, как старых, так и молодых. И насилие не ограничивается городскими улицами. Это я тоже знаю.

Я оборачиваюсь к Саймону.

— У Поппи есть другие питомцы?

— У нас есть собаки, но мы не выпускаем их из вольеров.

— Возможно, было бы неплохо, если бы у Поппи был собственный питомец. Кто-то маленький, вроде хомяка, за кем она могла бы ухаживать.

На мгновение мне кажется, что он собирается принять мое предложение. Затем его лицо снова каменеет.

— Благодарю вас, преподобная, но я знаю, как обращаться с собственной дочерью.

Я уже собираюсь возразить, что все говорит об обратном, когда в кухне снова появляется Фло. Она держит в руках детские влажные салфетки и джемпер с изображением Джека Скеллингтона.

— Это подойдет?

Я киваю, внезапно ощущая усталость.

— Прекрасно.

Мы стоим в дверях и смотрим, как отец с дочерью (низ джемпера Фло болтается где-то у колен Поппи) садятся во внедорожник и уезжают.

Я обнимаю Фло за плечи:

— Вот тебе и деревенский покой.

— Ага. Возможно, здесь будет не так уж и скучно.

Я усмехаюсь и тут же замечаю похожую на призрак фигуру в черном, которая идет к домику с большой квадратной

коробкой в руках. Аарон. Я совершенно о нем забыла. Чем же он все это время занимался?

— Я полагаю, полиция уже едет? — спрашиваю я.

— О нет. Я увидел, как подъехал Саймон Харпер, и решил, что в этом нет необходимости.

Да неужели? Судя по всему, Саймон Харпер пользуется здесь немалым влиянием. В небольших общинах часто встречаются семьи, с которыми все привыкли считаться. По традиции. Или из страха. Или по обеим причинам одновременно.

— А потом я вспомнил, — продолжает Аарон. — Я должен был передать вам это, когда вы приедете.

Он протягивает мне коробку. На крышке крупными печатными буквами аккуратно написано мое имя.

— Что это?

— Я не знаю. Это вчера оставили для вас в часовне.

— Кто оставил?

— Я не видел. Подумал, что, возможно, это приветственный подарок.

— Может быть, это оставил предыдущий викарий? — высказывает предположение Фло.

— Сомневаюсь, — отвечаю я. — Он умер. — Бросаю взгляд на Аарона, осознав, что это прозвучало несколько черство. — Я с сожалением узнала о кончине преподобного Флетчера. Наверное, это всех шокировало.

— Да.

— Он болел?

— Болел? — Он смотрит на меня как-то странно. — Вам что, ничего не сказали?

— Я слышала, что он скончался скоропостижно.

— Верно. Он покончил с собой.

Глава 4

— Вы должны были мне сказать.

Голос Деркина в трубке едва слышен.

— Деликатная... ация... лучше не... детали.

— Мне нет дела. Я должна была знать.

— Я не... лично... жаль.

— Кто знает?

— Мало кто... церковный староста... нашел его... приходской совет.

Что, вероятно, означает практически всех жителей деревни. Деркин продолжает говорить. Я еще дальше высовываюсь из окна спальни, расположенной на втором этаже, — единственного места, где можно поймать мало-мальски стабильный сигнал, — и добиваюсь появления волшебной третьей палочки.

— Преподобный Флетчер... проблемы ментального здоровья. К счастью, прежде, чем это произошло, он согласился покинуть пост, поэтому официально уже не был приходским священником...

Итак, другими словами, это не проблема церкви. Отсутствие у Деркина эмпатии граничит с патологией. Мне часто приходит в голову, что он скорее был бы на своем месте в политике, а не в церкви, хотя, если задуматься, разница, вероятно, не так уж велика.

— Мне следовало все знать. Это влияет на то, как надо вести дела здесь. Это влияет на восприятие людьми церкви и викария.

— Конечно. Мне очень жаль. Это упущение.

А вот это ложь. Он просто не захотел предоставлять мне еще одну причину не ехать сюда.

— Джек, это все?

— Вообще-то, не совсем.

По идее это не должно иметь значения. Если смерть — это просто освобождение и переход на более высокий уровень, меня не должны волновать ее обстоятельства. Но они меня волнуют.

— Как это произошло?

Пауза, достаточно длинная, чтобы я поняла (давно зная Деркина), что он колеблется — сказать правду или солгать. Затем епископ вздыхает.

— Он повесился в часовне.

Фло стоит на коленях в гостиной, вынимая вещи из коробок. К счастью, их немного. Когда наконец прибыл грузовой

фургон, двум покрытым татуировками парням понадобилось не более двадцати минут, чтобы разгрузить наши земные сокровища. Негусто, учитывая, что полпути уже пройдено.

Я плюхаюсь на потертый диван, который едва втиснулся в крошечную гостиную. В этом домике все крошечное, низкое и шаткое. Ни одно из окон не открывается, как положено, отчего внутри невыносимо жарко, а чтобы пройти в дверь, соединяющую кухню с гостиной, мне приходится пригибаться (хотя рослой меня не назовешь).

Ванная выкрашена в оливково-зеленый цвет и испещрена крапинками плесени. Душа нет. Отопление обеспечивается масляным бойлером и древнего вида дровяной печью, безопасность которой, вероятно, необходимо проверить, чтобы зимой мы не угорели.

Позитивным моментом является то, что домик предоставляется нам бесплатно и мы можем устраиваться в нем, как дома. Но не сейчас. Позже. Сейчас я хочу поесть, немного посмотреть телевизор и лечь спать.

Фло поднимает голову.

— Надеюсь, сегодняшние события не мешают тебе осознавать, что это настоящая дыра.

— Нет, но сегодня я слишком устала и проголодалась, чтобы сокрушаться по этому поводу. Мне кажется, заказать еду в этих краях негде.

— Вообще-то в соседнем городке есть «Домино». Я нагулила его по пути сюда.

— Аллилуйя. Цивилизация. Посмотрим, что нам покажет «Нетфликс»?

— Не думаю, что он здесь подключен.

Проклятье.

— Значит, остается обычное телевидение?

— Тебе не повезло.

— Что? Почему?

Она встает с пола и садится на диван рядом со мной, одной рукой обнимая меня за плечи.

— Что не так с этой картинкой, Майкл?

Цитата из «Пропавших ребят» заставляет меня улыбнуться. Мои усилия по окультуриванию дочери не пропали зря.

— Тут нет наружной антенны. Ты знаешь, что это означает, когда на доме нет наружной антенны?

— О боже! — Я запрокидываю голову назад. — Это серьезно?

— Ага...

— Куда нас занесло?

— Надеюсь, что не в мировую столицу убийц.

— Вампиры мне по зубам. Что у меня есть, так это кресты.

— И загадочная коробка.

Коробка. Я была так взбешена тем, что Деркин не посвятил меня в обстоятельства смерти преподобного Флетчера, что почти забыла, с чего начался этот скандал. Я оглядываюсь.

— Не помню, где я ее оставила.

— На кухне.

Фло вскакивает и возвращается с коробкой, водружая ее на диван рядом со мной. Я недоверчиво ее разглядываю.

Преподобной Джек Брукс.

— Приступим?

Фло протягивает мне ножницы.

Я беру их и разрезаю пленку, которой обернута коробка. Внутри находится что-то, завернутое в бумагу. Сверху лежит маленькая карточка. Я вынимаю ее.

Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не узнали бы. Посему, что вы сказали в темноте, то услышится во свете; и что говорили на ухо внутри дома, то будет провозглашено на кровлях.

От Луки 12: 2-3.

Я бросаю взгляд на Фло, которая поднимает брови.

— Немного мелодраматично.

Я кладу карточку на диван и разворачиваю оберточную бумагу. Нашим взглядам предстает потертый кожаный портфель.

Я смотрю на него, ощущая, как мои руки покрываются гусиной кожей.

— Так ты будешь его открывать? — спрашивает Фло.

К сожалению, мне не удастся найти уважительную причину, чтобы не делать этого. Я вынимаю портфель и кладу его на диван. Внутри что-то звякает. Я расстегиваю замки.

Нет ничего сокровенного, что не открылось бы.

На красной шелковой подкладке лежит содержимое, пристегнутое ремешками. Библия в кожаном переплете, тяжелый крест с распятым Иисусом, святая вода, полосы муслиновой ткани, скальпель и большой зазубренный нож.

— Что это? — спрашивает Фло.

Я пытаюсь сглотнуть подступившую к горлу тошноту.

— Комплект для экзорцизма.

— Ого. — Она хмурится. — Я не знала, что при этом используются ножи.

— Редко, но используются.

Я протягиваю руку и сжимаю потертую косяную рукоять ножа. Она кажется прохладной и гладкой. Я вынимаю нож из портфеля. Он тяжелый, зазубренное лезвие острое и покрыто ржаво-коричневыми пятнами.

Фло наклоняется вперед.

— Мама, это...

— Да.

Это становится лейтмотивом дня.

Кровь.

Глава 5

Лунный свет. Трудно себе представить, что он может быть разным, но это так.

Он выпрямляет пальцы, позволяет свету играть на своих руках, стекать на траву. *Трава*. Это тоже что-то новое. Там, внутри, травы не было. Там вообще не было ничего мягкого. Даже постельное белье было жестким и царапалось. Лунный свет всегда просачивался в узкие окна, и его отчасти заслоняли возвышающиеся вокруг здания. И падал он только на жесткие бетонные и стальные поверхности.

Здесь свет расстилается свободно и беспрепятственно. Парк купается — да, *купается* — в его серебряных струях. Свет осторожно ложится рядом с ним на траву. Ну и что, что она редкая, вытоптанная, усеянная мусором, бутылками из-под сидра и сигаретными окурками? Для него это рай. Райский сад, черт возьми. Сегодня кроватью ему служит скамья, а постельным бельем — кусок картона и спальный мешок, который он украл у какого-то пьянчуги. Для воров и нищих все средства хороши. Но для него это роскошная кровать с балдахином, шелковыми простынями и пуховыми подушками.

Он свободен. Спустя четырнадцать лет. И на этот раз он не собирается туда возвращаться. Он наконец-то чист, он полностью прошел программу реабилитации. Соскочил. Вел себя как примерный мальчик.

Еще не поздно. Так говорили ему терапевты. *Ты все еще можешь построить свою жизнь. Ты можешь все оставить позади.*

Все это, конечно, ложь. Прошлое невозможно оставить позади. Прошлое — это часть тебя. Оно плетется за тобой подобно старому преданному псу, отказываясь отойти хоть на шаг. И иногда кусает тебя за задницу.

Он усмехается про себя. *Ей* бы это понравилось. Она всегда говорила ему, что он умеет обращаться со словами. Возможно, но он также умел обращаться со своими кулаками и ботинками. Он не умел сдерживать гнев. Тот затуманивал все. Отнимал слова, заменяя их густой кроваво-красной пеленой, заполнявшей его горло.

Ты должен контролировать свой гнев, — говорила она. — *Или эта тварь одержит верх.*

По ночам в камере он представлял ее рядом с собой. Ее рука гладила его волосы, она шепотом успокаивала его. Помогала ему вынести заключение и ломку.

Он обводит глазами окружающую тьму. Нет. Он один. Но это ненадолго.

Он подтягивает спальный мешок к подбородку, опускает голову на скамью. Ночь теплая. Он счастлив спать на улице.

Он может смотреть на луну и звезды и предвкушать завтрашний день.

Как называлась та песня о завтрашнем дне? «Остался один день» или что-то в этом роде.

Они иногда пели ее вместе.

Жаль, что мы не сироты, как Энни, — говорила она. — *Тогда мы могли бы отсюда убежать.*

И она теснее прижималась к нему. Он ощущал ее тонкие руки и ноги рядом с собой. И спутанные волосы, от которых пахло печеньем.

Он улыбается. *Завтра, завтра я приду и тебя найду.*

Глава 6

Воскресная утренняя служба — это главное событие недели для викария. Если вам нужно собрать толпу — в данном случае я подразумеваю двузначные числа, — то вы получите ее в воскресенье.

В моей старой церкви в Ноттингеме, члены общины которой были преимущественно черными, по воскресеньям надевали торжественную одежду: шляпы, костюмы... Маленькие девочки с тугими локонами и большими бантами. *Как Руби.*

Благодаря этому день ощущался как особенный. Благодаря этому я ощущала себя особенной. Тем более что я знала — если присмотреться внимательнее, эти одеяния зачастую оказывались несколько поношенными или слишком тесными. Моя паства жила в беднейшей части города, и тем не менее они предпринимали эти усилия. Для них было вопросом чести одеваться в воскресенье утром надлежащим образом.

И в некоторых других моих церквях в воскресенье утром скамьи заполнялись, пусть иногда и бродягами. На моем посту не приходится выбирать, с кем работать.

Конечно, порой начинают опускаться руки, но я всегда напоминаю себе, что, если хоть один человек найдет в моих словах какое-то утешение, это уже победа. Церковь не только для

тех, кто верит в Бога. Она для тех, кому больше не во что верить. Для одиноких, потерянных и бездомных. Она для них убежище. Именно так нашла церковь я. Мне было некуда идти, я вообще не знала, что мне делать. И кто-то протянул мне руку. Я навсегда запомнила эту доброту. И теперь пытаюсь за нее отплатить.

Я не знаю, чего ожидать от здешней паствы. Обычно маленькие деревни более традиционны. В таких сообществах церковь играет значительную роль, но члены общины, как правило, старше. Забавно, как много людей обретают веру вместе с первыми зубными протезами.

Не то чтобы сегодня мне предстояло вести службу. Официально я приступаю к работе только через две недели. Сегодня утром хедлайнером будет преподобный Раштон из Уорблерс-Грин. Мы уже обменялись несколькими имейлами. Он показался мне добрым, преданным своему делу и перегруженным. Как и большинство сельских священников. В настоящее время он разрывается между тремя церквями, так что замена в Чепел-Крофт — это немного перебор или, как он выразился:

«Господь, может, и вездесущ, но я еще не научился находиться в четырех разных местах одновременно».

В какой-то степени это объясняет поспешность моего назначения. Но не до конца.

Странная посылка вызвала у меня чувство тревоги. Пройшей ночью я не спала, то и дело вскакивая от непривычной тишины. Не доносились издали сирены, успокаивающие нервы и убаюкивающие, не было слышно пьяных выкриков за окном. События дня продолжали прокручиваться у меня в голове. Поппи с измазанным кровью лицом. Зазубренный нож. Лицо Руби. Вот оно сливается с личиком Поппи. Все это объединяет кровь.

Почему я согласилась сюда приехать? Чего я рассчитываю добиться?

Наконец, чуть позже семи, я выбираюсь из постели. За окном громко кричит петух. Вот только его и не хватало. Сварив себе кофе, я уступаю соблазну и извлекаю коробочку

с бумагой и табаком из дальнего угла кухонного ящика, в котором я ее спрятала, прикрыв посудным полотенцем.

Фло не оставляет меня в покое, требуя отказаться от курения. Я пытаюсь. Но плоть слаба. Я сворачиваю запретную сигаретку у стола, затем накидываю поверх майки и спортивных штанов старое худи и курю за дверью, пытаюсь отогнать мрачные мысли. Несмотря на затянутое облаками небо, уже тепло. Новый день. Новые испытания. Это то, за что я всегда благодарю Всевышнего. Никто не может дать гарантию того, что завтра наступит. Каждый день — это дар, так что распоряжайтесь им с умом.

Конечно, как и большинство викариев, я не всегда практикую то, что проповедую.

Я докуриваю сигарету и поднимаюсь наверх, чтобы принять едва теплую ванну. Затем высушиваю волосы и пытаюсь придать себе презентабельный вид. Мои волосы все еще преимущественно темные. Морщин у меня немного, но это потому, что несколько лишних фунтов округляют и мое лицо. Наверное, я выгляжу как и любая другая издерганная мамочка, которой уже давно перевалило за сорок. Вердикт — принимайте такой, какая есть.

Я медленно спускаюсь вниз. Фло, к моему удивлению, уже встала и уютно устроилась на диване в гостиной с чашкой чая и книгой. Судя по обложке, это новинка Стивена Кинга.

— Как я выгляжу?

Она поднимает глаза:

— Устало.

— Спасибо. А кроме этого?

Я остановила свой выбор на джинсах, черной рубашке и воротничке. Чтобы дать людям понять, кто я, но также намекнуть, что я не на службе.

— Не уверена насчет черного.

— Неоновые цвета и ажурные чулки я решила приберечь.

— Для чего?

— Канун Рождества?

— Вводи их постепенно.

— Я так и собиралась.

Она улыбается:

— Mam, ты выглядишь потрясающе.

— Спасибо. — Я нерешительно добавляю: — А ты?

— Я?

— Ты в порядке?

— Все нормально.

— Правда?

— Mam, давай не будем к этому больше возвращаться. *Нет*, я тебя не ненавижу. *Да*, я расстроена тем, что мы уехали из Ноттингема. Но ведь это временно, верно? Как ты часто говоришь — ничего не попишешь.

— Иногда ты кажешься мне чересчур взрослой.

— Одна из нас должна быть взрослой.

Мне хочется подойти к ней и крепко обнять. Но она уже снова уткнулась в книгу.

— Ты придешь сегодня на службу?

— Это необходимо?

— На твое усмотрение.

— Вообще-то я думала прогуляться по кладбищу. Пофотографировать.

— Ладно. Желаю приятно провести время.

Я пытаюсь игнорировать едва ощутимый укол разочарования. Конечно же, ей не хочется слушать службу в маленькой, покрытой плесенью часовне. Ей пятнадцать лет. И я не верю в навязывание детям своих убеждений.

Моя мама пыталась это делать. Я помню, как меня таскали на службы, меня, маленькую непоседу, втиснутую в ее «лучшее», неудобное, застиранное платье. Скамьи были жесткими, часовня — холодной, а при виде священника в черной одежде я начинала плакать. Позже религия превратилась в один из маминых костылей, наряду с джином и голосами в голове. На меня все это произвело обратный эффект. Я сбегала при первой же возможности.

Вера должна быть сознательным выбором, а не чем-то, что тебе навязали путем промывания мозгов, когда ты слишком юн и не способен понять или усомниться. Веру невозможно передать детям как наследство. Она неосязема и не абсолютна.

Даже для священника. Над ней необходимо постоянно работать, как над браком или воспитанием детей.

Любой может усомниться. Естественно. Случаются несчастья. Некоторые события заставляют тебя задаться вопросом — *существует ли Бог*, и если существует, то почему он такой ублюдок. Но правда заключается в том, что несчастья случаются не *из-за* Бога. Он не сидит в своей небесной канцелярии, придумывая способы «испытать» нашу веру, подобно персонажу Эда Харриса из «Шоу Трумана».

Несчастья случаются потому, что жизнь — это серия случайных, непредсказуемых событий. На всем ее протяжении мы совершаем ошибки. Но Господь милостив. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Я хватаю висящее на спинке кухонного стула худи и снова заглядываю в гостиную.

— Ладно. Я, пожалуй, пойду.

— Мам?

— Да?

— Что ты собираешься делать с тем портфелем?

Если честно, я не знаю. Его содержимое потрясло меня сильнее, чем я готова себе признаться. И уж точно гораздо сильнее, чем я готова признаться Фло. *Откуда он взялся? Кто мог его оставить? И почему?*

— Я еще не знаю. Может, поговорю о нем с Аароном.

Она кривится:

— Жутковатый тип.

Я хочу сказать ей, чтобы она не судила строго, но на самом деле мне он тоже кажется жутковатым. Я не совсем понимаю почему. По долгу службы мне часто приходится сталкиваться со всякими странными личностями. Но что-то в Аароне меня пугает, пробуждает чувства, которые я предпочла бы забыть.

— Давай поговорим об этом позже.

Я продеваю руки в рукава худи.

— Ладно. И еще одно.

— Что?

— Тебе лучше взять другое худи. Это провонялось дымом.

Літературно-художнє видання

ТЮДОР С. Дж.

Спалені дівчата

Роман

(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *Н. Ю. Тимченко*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 22.07.2021. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 18,48. Наклад 3000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Відруковано у АТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ТЮДОР С. Дж.

Сожженные девочки

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *Н. Ю. Тимченко*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 22.07.2021. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 18,48. Тираж 3000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в АТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

П'ятсот років тому в селищі Чепел-Крофт живцем спалили ні в чому не винних людей. Серед них були дві молоді дівчини, чиї примари нібито досі ввижаються жителям поселення. Тридцять років тому тут же зникли безвісти дві подруги, юні Джой і Меррі. І ось тепер у каплиці повісився вікарій. На заміну йому в село прибуває жінка-священник Джек з дочкою Фло. Однак похмура аура селища і його страшні таємниці не обіцяють зайдам нічого хорошого. Адже вони — частина цих секретів. У Чепел-Крофт зріє відплата тих, хто пам'ятає все.

Тюдор С. Дж.

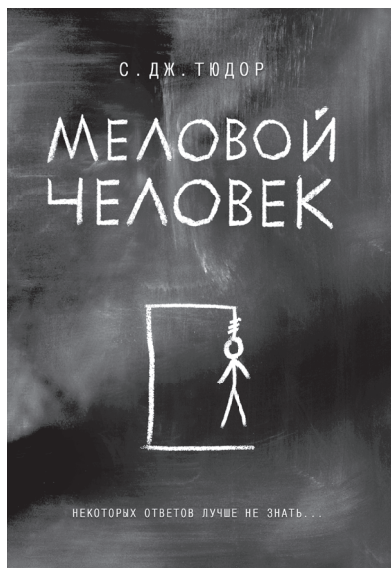
Т98 Сожженные девочки / С. Дж. Тюдор ; пер. с англ. Е. Боровой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 352 с.

ISBN 978-617-12-8942-0

ISBN 978-0-241-37130-5 (англ.)

Пятьсот лет назад в деревне Чепел-Крофт заживо сожгли ни в чем не повинных людей. Среди них были две молодые девушки, чьи призраки якобы до сих пор являются жителям поселения. Тридцать лет назад здесь же пропали без вести две подруги, юные Джой и Мерри. И вот теперь в часовне повесился викарий. На замену ему в деревню прибывает женщина-священник Джек с дочерью Фло. Однако мрачная аура деревни и ее жуткие тайны не сулят чужакам ничего хорошего. Ведь они — часть этих секретов. В Чепел-Крофт зреет возмездие тех, кто помнит все.

УДК 821.111

Пятеро друзей — Эдди Мюнстр, Толстяк Гав, Железный Майки, Хоппо и Никки — давно вышли из того возраста, когда для общения используют зашифрованные послания, написанные цветными мелками. Но прошлое не стирается так же легко, как мел с пальцев. Сорокалетний Эд все еще помнит, как он и его школьный учитель спасли девушку Элайзу. И помнит ее обезглавленный труп, который нашли в лесу... Спустя годы Эд Адамс встречается с Майки, который заявляет, что вычислил убийцу Элайзы. На следующий день его самого находят мертвым, с нарисованным меловым человечком в кармане. Друзья понимают: то, от чего они бежали, вернулось. На память о прошлом у каждого из них остался не только мел под ногтями, но и кровь. Чья она?..

В ту ночь, восемь лет назад, моя сестра Энни пропала. Ее искали, но тщетно. Тогда я приготовился к худшему. Однако через сорок восемь часов она вернулась. Энни не хотела говорить, что с ней произошло и где она была... После возвращения сестра стала другой. Это была уже не моя Энни. Я боялся ее и боялся признаться в этом... Чуть больше месяца назад мне на почту пришло письмо. Короткая фраза: «Я знаю, что случилось с твоей сестрой. Это происходит снова». Мне казалось, что исчезновение сестры было самым жутким, самым ужасным из всего, что могло произойти. Но потом я понял: хуже всего то, что она вернулась...

С. ДЖ. ТЮДОР

ДРУГИЕ ЛЮДИ

С. ДЖ. ТЮДОР ВЕЛИКОЛЕПНА!
НЕ МОГУ ДОЖДАТЬСЯ ЕЕ СЛЕДУЮЩЕЙ КНИГИ. ХАРЛАН КОБЕН

Два года назад Гейб потерял жену и дочь. Но до сих пор верит, что его дочь Иззи жива. В тот жуткий день он видел ее в чужой машине. Гейб лишился всего, сменил дом на бус и начал колесить по окрестностям в поисках той машины. В какой-то момент, устав от безуспешных поисков, он решает покончить с собой. Но внезапно человек, который называет себя Самаритянином, обещает помочь найти машину. Через несколько дней он сообщает Гейбу о местонахождении авто. Но Гейб обнаруживает в нем труп, а в бардачке — записную книжку, в которой всего два слова: «Другие люди». Самаритянин просит Гейба прекратить распутывать это дело, ведь эта организация не оставляет свидетелей в живых. Но если так, то откуда он это знает?..